

Предлагаем вниманию читателей отрывки из мемуаров великой французской актрисы, посвященные самому началу ее творческого пути.

В ОДНО сентябрьское утро я внезапно проснулась, охваченная смутной, беспричинной радостью. Было восемь часов утра. Подбежав к окну, я всматривалась вдаль, словно надеясь в беспредельном пространстве серого неба найти ответ тому тревожному и вместе с тем радостному ожиданию, заполонившему мое существо.

Что я ждала? Я не знала, как не знаю и теперь. Мне шел пятнадцатый год. Я была на пороге жизни; это утро казалось мне предвестником новой эры. И я не ошиблась: этот сентябрьский день решил мое будущее.

Не помню, долго ли я простояла у окна, но отчетливо помню, как мама бесшумно вошла, испытующе поглядев на меня, медленно произнесла:

— После завтрака мы соберемся на семейный совет.

ЗАВТРАК протекал мрачно. Я с волнением ждала семейного совета. Младшая сестра потешалась надо мной:

— У тебя глаза, как щелки, сегодня. И все оттого, что ты плакала...

— Почему вы плакали? — спросил герцог де Морни.

Я не ответила. Я побаивалась герцога: он был добрый, но насмешливый. Я знала, что он занимает высокое положение при дворе и моя семья гордится его дружбой.

Наконец завтрак кончился; мы с воспитательницей понесли чашки с кофе в гостиную. Там уже сидел ненавистный мне нотариус из Гавра. Он был представителем семьи моего умершего отца. У камина расположился мой дядюшка Феликс Фор, рядом с ним г-н Мейдье, зарывшись в кресло, беспрестанно поглядывая на часы. Г-н Мейдье был старым другом нашей семьи: он говорил мне «ты», считал меня душой и прозвал Ниточкой, что казалось очень обидным.

После того как чашки были розданы, наступила долгая, томительная пауза... Герцог Морни собрался уже уходить, но мама задержала его: ...вы можете дать нам полезный совет... Герцог покорно занял место возле моей тетушки, с которой он слегка флиртовал.

Мамин красивый профиль четко вырисовывался на фоне окна, куда она отосла; как всегда, она казалась чуждой всему, что происходит вокруг.

Противный нотариус поднялся. Дядюшка притянул меня к себе. Крестный Режи и г-н Мейдье во всем сходились во вкусах. Оба упрямые, задалые буржуа, оба любили вист и хорошее вино, оба находили меня кудой до отвращения.

— Раз мы собрались из-за этой малышки, то пора бы и приступить, — заметил крестный.

Задрожав, я прижалась к воспитательнице.

— Итак, — начал г-н Мейдье, — я слышал, что ты отказываешься выходить замуж, а хочешь стать монахиней.

— Для того чтобы вступить в монастырь, надо быть богатой, — пробубнила нотариус, — а у тебя нет ни гроша за душой.

Нагнувшись к учительнице, я быстро шепнула ей на ухо:

— Папа оставил мне деньги.

Ненавистный человек услышал мой шепот. Отец оставил тебе деньги на приданое, чтобы ты могла выйти замуж.

— Я выйду замуж за Спасителя, — возразила я.

На этот раз мой голос прозвучал решительно, и я густо покраснела. Я ощутила желание бороться. Мне уже не было страшно; меня слишком раздразнили.

— Я хочу стать монахиней! Так я решила! Я знаю, папа оставил мне деньги, чтобы я вышла замуж, но я также знаю, что монахини считают себя невестами Христа. Маме все равно, и я не огорчу ее. А в монастыре меня любят больше, чем здесь...

Дядюшка Феликс обнял меня.

— Дорогая, у тебя есть потребность любить...

— И быть любимой... — еле слышно прошептала моя воспитательница.

Все поглядели на маму. Она слегка пожала плечами.

Я ринулась к вершителям моей судьбы, подбегая ко всем, силясь найти доводы, которые была бессильна привести, в надежде хоть у кого-нибудь найти поддержку. Герцог Морни, видимо, наскучившись всем происходящим, приподнялся к креслу.

— Вы просили моего совета, — промолвил он уже на ходу, — так вот, на вашем месте я бы отдал этого ребенка в Консерваторию.

Я с трепетом озиралась на всех, в ужасе от произнесенного им слова. Консерватория? Что это такое?

Внезапно, посреди всеобщего замешательства, крестный со свойственной ему резкостью воскликнул:

— Она слишком куда, чтобы стать актрисой!

— Но я вовсе не хочу быть актрисой! — вскричала я.

— Молчи! Ты не понимаешь, что говоришь, — оборвала меня тетушка.

— Отлично понимаю! Я видела Рашель!

— Рашель? — переспросила меня мать.

— Да, видела Рашель. Она приехала однажды к нам в монастырь. Ее усадили в саду, потому что она очень тяжело дышала. И все побежали за плодом, чтобы накрыть ее. А она была бледной, такой бледной. Мне было больно на нее смотреть. И сестра Полина сказала, что она актриса и работа убила ее, а я не хочу умирать!

Я выпалила всю тираду, не переводя дыхания, щеки мои пылали, голос охрип.

ЭТОТ ДЕНЬ кончился еще более несурзано.

В то время как я размышляла о происшедшем, растравившись в соломенном кресле, единственным украшении моей комнаты, мама с тетушкой вошли ко мне и объявили,

дин Мейдье предпочитал Исмену в «Сиде», но поначалу считал необходимым упражняться в дики.

Наконец наступил первый день вступительных экзаменов. Когда я вошла в приемную, там уже сидели девушки и юноши в окружении матерей и тетушек. Только после того как господин Лозто вызвал первую девушку, нам стало ясно, что экзаменуемому необходим партнер для подачи реплик. Деталь, пропущенная нами по неведению. Кто подаст мне реплики Арноль-

директор Консерватории г-н Обер*. Но я уже позабыла, что он директор. Я все позабыла! Все!

Склонившись в реверанс, я объявила: «Два голубя».

Раздалось глухое ворчание. Голос чревоушателя прогудел:

— Мы здесь не в школе. Что за мысль декламировать басни? — то был Бювалэ, гроза Комеди Франсез.

Я остановилась, сердце мое громко стучало.

— Продолжайте, дитя мое, — сказал человек с серебристой шевелюрой. Это был Прово.

— Басня ведь короче отрывка из сцен! — воскликнула громко Августина Броан. Я начала:

— «Два голубя нежно любили друг друга...»

— Громче, дитя мое, громче, — раздался дружелюбный голос человека с вьющимися, совершенно белыми волосами. То был Самсон. Я смолкла, обезумевшая, растерянная, готовая закричать, завывать. Самсон понял, что со мной творится. Он что-то прошептал на ухо г-ну Оберу и добавил: — С самого начала, прошу вас, и погромче.

— Ох, нет, нет! — закричала Августина Броан, — это уже будет длиннее отрывка! Ее выпад рассмешил весь стол; я успела взять себя в руки, говоря себе, что это очень жестоко со стороны этих людей — подсмеиваться и развлекаться над несчаст-

ными, дрожащими от страха созданиями, связанными по рукам и ногам, как жертвы, на милость победителя. Я ощутила презрение к бессердечному трибуналу. Меня уже больше не трогало, что происходит вокруг.

Волнение и желание быть расслышанной придали моему голосу мягкость и певучесть. В зале воцарилась тишина. Не успела я закончить, как раздался колокольчик председателя. Поклонившись, обессиленная от напряжения, я начала спускаться по ступенькам. Директор Обер подозвал меня к себе:

— Так вот, милочка, господин Бювалэ и господин Прово принимают вас к себе. — Я отшатнулась: Бювалэ оказался тем самым чревоушателем, которого я так испугалась. — Решайте, кого из двух вы предпочитаете. — Я молча указала на Прово. — Отлично. Достаньте ваш носовой платок, бедный Бювалэ. Прово, дорогой мой, вручаю вам этого ребенка.

На этот раз я поняла.

— Значит, меня примут?!

— Приняли. Мне остается только пожалеть, что этот чудесный голос не достанется музыке.

Возбужденная, ничего не слыша, никого не поблагодарив, я побежала к дверям. Наклобучив на голову шляпу, оправляя подол наскоро подшитого платья, я вприпрыжку бросилась к выходу, а за мной мои две покровительницы. Мне предложили зехать в кондитерскую, но я отказалась. На всех фасадах и окнах я читала: «Тебя приняли! Приняли!» И мне казалось, что все люди смотрят на меня, и я уже не думала о монастыре. Горделивый восторг заливал все мое существо.

НА ПЕРВОМ конкурсе по классу трагедии у профессора Прово я добилась успеха. Сиена Заиры с ее братом Нерестаном мне была очень по душе. Я считала, что она мне удалась. Но профессор требовал, чтобы последние слова Заиры, когда, подавляем упреками брата, она падает к его ногам, я произносила с пафосом: «Убей меня, но я его люблю!» Я держалась мие-ния, что в финальной сцене надо передать полное отрешение от жизни. Мы долго спорили. Во время занятий профессор решил, что переубедил меня. Но в день конкурса, упав на колени перед Нерестаном, я простерла руки навстречу смертельному удару и с мольбой прошептала: «Убей меня...»

И весь зал разразился рукоплесканиями. Мне присудили вторую премию, к большому разочарованию публики, считавшей, что я заслужила первую. Однако, учитывая возраст и короткий срок моих студийных занятий, я нахожу оценку справедливой.

Я не маневровала даже уроками «Правил поведения». Эти лекции нам читал напуганный, завитой и напуганный, с кружевным жабо бывший красавец г-н Эли. Его лекции были невероятно смешны. Из-за отсутствия полной аудитории папаша Эли срывал всю свою биду на нас. В ожидании команды мы выходили на сцену, где он уже красовался с неизменной черной тросточкой.

Начните сразу после поклона. Остановитесь, как только услышите колокольчик председателя. Я поглядела на председателя — то был

в руках. Затем ему была нужна эта тросточка? Не знаю. «Итак, мои дамы, корпус наклонить, голову вверх, носки вниз, раз, два, три, шагом марш!»

И мы маршировали, голову вверх, носки вниз, опустив веки, чтобы видеть, куда ставить ногу, — торжественно, с достоинством, как верблюды.

Затем следовало упражнение, называемое «Уход со сцены», — «небрежно, с достоинством или в ярости». Эту фразу: «Довольно, сударь, уходите прочь!» Эту сцену надо было разыграть «безмолвно и прочувствованно». Все должно быть выражено, говорил он, «во взоре, в жесте, в осанке». Самым трудным упражнением было «Умение сидеть». Горделиво или устало падать в кресло, повторять при этом с разными нюансами одну и ту же фразу: «Продолжайте, сударь мой, я вас слушаю!» Сколько оттенков надо было вложить в эту фразу, усаживаясь в кресло: «желание что-либо разузнать, боязнь того, что сейчас услышишь, решение освободиться от данного субъекта, желание кого-то удержать!» Сколько слез было пролито из-за этого «Умения сидеть»!

Занятия с папашей Эли были пустым времяпрепровождением, и вскоре их отменили, что было весьма разумно. Жест должен воспроизводить мысль. Только изнутри можно подчинить свое тело. Гармоничен ли жест или несуразен, зависит от того, умен ли актер или он сам по себе нуль.

ясный, твердый аргумент, не терпящий возражений.

В таком состоянии духа я появилась на сцене, когда пришел мой черед. Роль, выбранная мне на конкурс, была преглупейшая — замуженная женщина, рассудочная, резонерствующая, а я была ребенок и выглядела намного моложе своих лет. Тем не менее я овладела ролью, была весьма солидна, весьма весела и имела шумный успех. Я сразу преобразилась, обезумев от радости. — первая премия была у меня в руках. Я несколько не сомневалась, что мне ее присудят единогласно. Когда члены комитета стали занимать места в своих ложах, я стояла в проходе у дверей, готовая выскочить на сцену.

«Первая премия по конкурсу комедии...» Я шагнула вперед, оттолкнув высокую молодую девушку, на голову выше меня.

...первая премия предоставляется единогласно Мари Лойд».

И стройная сияющая девушка, которую я только что оттолкнула, выбежала на сцену.

Раздалось несколько протестующих голосов, но ее грация и полная прелесть робость одержали верх. Мари Лойд была встречена бурными аплодисментами. Мы были очень дружны, я любила ее, но считала посредственной ученицей. Не помню, получила ли она награду в предыдущий год, но на этот раз никто не ожидал, что первая премия будет присуждена ей.

«Вторая премия по конкурсу комедии — мадемуазель Саре Бернар». Я не расслышала. Меня вытолкнули на сцену. Раскланиваясь, я видела сотни Мари Лойд перед собой; они танцевали, корчили гримасы, посылали воздушные поцелуи, обмахивались веером; они были длинные, высокие, они растягивались по потолку, подплывали ко мне, душили меня.

Почти все ученики разбежались. Я сидела на скамье, молчаливая и смущенная. Мари присела ко мне.

— Ты огорчена?

— Да. Я хотела получить первую премию, а получила ее ты.

— Клянусь, я не виновата, что так вышло, — ответила Мари, и я не смогла удержаться от смеха.

— Можно мне поехать к тебе? — Она просительно взглянула на меня. Лучистые глаза увлажнились. Она была сиротой и в такой торжественный день чувствовала потребность в семейной обстановке. Сердце мое дрогнуло от нежности и сострадания, я бросилась ей на шею, и мы поехали домой.

Мама приняла Мари с тем светским равнодушием, которое было так свойственно ей. Зато мой крестный суетливо разлизывал в комплиментах, как только увидел Мари. Он сотни раз встречал мою приятельницу в нашем доме, но ни красота Мари, ни бедность ее не трогали его. Внешний успех решал все у этого буржуа. Вместо приветствия он притянул меня к себе.

— Ну, ты не справишься со своей задачей. И зачем ты упрямышься и теряешь время в театре... Ростом ты мала и худая. Вблизи ты даже привлекательна, а со сцены просто уродлива. И голос у тебя слабават.

— Крестный абсолютно прав, Ниточка, — присовокупил немедля г-н Мейдье. — Выходи замуж за мукомола или за этого болвана, испанского кожевника, он давно потереял голову из-за твоих прекрасных глаз.

Мы сели к столу. Назойливые мысли о монастыре не покидали меня. После обеда я почувствовала себя настолько разбитой, что легла в постель. Проснувшись, я не сразу смогла сообразить, почему я лежу и сколько времени я спала. Я посмотрела на часы: было десять часов, а я легла в три. В доме было тихо. На столике у кровати стояла чашка шоколада с чечнемом и листок почтовой бумаги.

«Покуда вы спали, — писала мне моя дорогая маленькая Жерар, — герцог Морни прислал записку вашей матери, сообщая, что Камил Дусэ считает ваш ангажмент делом решенным. Не волнуйтесь, дорогое дитя, и верьте в вашу будущность. Ваша маленькая Жерар».

Ущипнув себя, чтобы увериться, что я не сплю, я бросилась к окну. Небо было черное; да, темное для всех, но только не для меня. Звезды сияли. Я разыскивала свою звезду и выбрала самую большую. Не выпуская из рук письма, я снова заснула.

На следующий день я была принята г-ном Тьерри, тогдашним директором Комедии. Он передал мне ангажмент, который моя мать должна была подписать за меня. Не читая, мама подписала его, и о этой минуте во мне произошел окончательный переворот: я приняла твердое решение: «несмотря ни на что», добиться славы.

Перевела с французского Л. Вольшиной

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

что сегодня вечером я поеду с ними в театр.

Поднимаясь по лестнице Комеди Франсез, я наступила на шлейф какой-то даме, обзававшей меня во всеуслышание дурехой. Поспешно отступив назад, я уткнулась головой в огромный живот пожилого господина, он грубо оттолкнул меня. С затуманенными от слез глазами я наконец добралась вслед за старшими до нашей ложи напротив сцены. Усевшись с мамой в первом ряду, я немного успокоилась, ощутив позади себя острые колени моей учительницы.

Занавес начал медленно подниматься, голова пошла у меня кругом: неужели действительно поднимался занавес моей новой жизни? Неужели эти колонны (играли «Британикусы») станут моими дворцами, эти облака на холсте — моим небом... Я ничего не слышала, что происходит на сцене, я была далеко, далеко, в монастыре, у себя в Дортуаре, погруженная в свои мечты.

— Ну что? — обратился ко мне крестный, когда занавес опустился. Я не отвечала. Он повернул мою голову к себе. Крупные тяжелые слезы медленно катились по моим щекам, казалось, их нельзя было остановить. Вскинув плечами, крестный вышел из ложи, хлопнув дверью.

Мама нетерпеливо лорнировала зал. Мадемуазель Брабендер молча подала мне носовой платок; свой я уронила и не осмеливалась его поднять.

После антракта шла вторая пьеса — «Амфитрион». Помню только, что Амфитриона я нашла глубоко несчастным и так громко всхлипывала, что вся публика в зале со смехом повернулась в сторону нашей ложи. Мама, крайне рассерженная, тотчас увезла нас с учительницей домой, а взбешенный крестный всю дорогу ворчал:

— Действительно, надо отдать ей в монастырь! Туда ей и дорога! Пусть остается там. О господи, что за круглая дура этот ребенок!

Такое было начало моей артистической карьеры.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ я стала готовиться к предстоящим испытаниям.

Вступительный экзамен был объявлен через месяц. Мать моя не имела друзей в театральном мире. Посоветоваться было не с кем. Крестный настаивал на «Федре», но мадемуазель Брабендер воспротивилась, считая эту роль совсем неподходящей для молодой девушки, и категорически отказалась помогать, если я останусь на ней. Госпо-

фа? Г-н Лозто предложил выбрать любого юношу. Но было уже поздно, и я энергично запротестовала.

— В таком случае что же вы нам прочтете?

— Я прочту вам басню.

Г-н Лозто фыркнул и записал мое имя и название басни: «Два голубя». Я слышала, как он тихонько подсмеивался в пышные усы, обходя выступающих. Меня начало лихорадит.

РАЗДАВАЛИСЬ все новые и новые имена; молодые девушки и юноши поочередно скрывались за дверью. Наконец я услышала, как произнесли мое имя. Подпрыгнув, как сардинка, преследуемая крупной рыбой, я трясла головой, откидывая назад непокорные волосы. Моя маленькая Жерар расправляла складки моего измятого шелкового платья. И вот я очутилась одна в огромном старинном зале; в конце зала — эстрада, а напротив нее длинный стол, за которым сидят брюзгливые, угрюмые, насмешливые люди. Среди них всего одна женщина, надменная, с биноклем в руках, с которым она расстается, лишь когда подносит к глазам лорнет. Ощущая взгляды экзаменуемых на моей спине, я поднималась по ступенькам на эстраду. Лозто наклонился ко мне.

— Начните сразу после поклона. Остановитесь, как только услышите колокольчик председателя.

Я поглядела на председателя — то был